

Под теплым светом Цинь Хаотянь взял сына на руки и утешал: «Ты не умрешь... Сяююй еще даже не вырос... Даже когда папа умрет... Сяююй все равно будет жив...»

«Нет... папа не может умереть... Сяююй хочет быть с папой...»

Пьяный Цинь Хаотянь даже не успел успокоить сына, как лег рядом с ребенком и заснул. Как обычно, его сын прижался к нему, как осьминог, со слезами на глазах.

Цинь Хаотянь стал еще более занятым после того, как его компания попала в листинг, и часто не виделся с сыном целую неделю. В тех редких случаях, когда он возвращался домой поздно, мальчик уже спал. Много раз он видел, как его сын спит на кровати, обнимая подушку.

Несмотря на решительные протесты Цинь Сяююя, Цинь Хаотянь нашел исполнительных директоров и менеджеров, которым мог передать свои задачи. Через полгода сдачи своих обязанностей у него появилось больше свободного времени, и ему нужно было всего лишь проводить несколько видеоконференций с высшим руководством своей компании каждый месяц.

Изменения произошли и с его сыном Цинь Сяююем. Мальчик быстро развивался, и вскоре его грудь выросла до 3го размера. Таким образом, ему даже приходилось каждый день перевязывать грудь, чтобы ходить в школу. Его сын, который раньше любил улыбаться, в последнее время казался вялым.

Ночью Цинь Хаотянь, только что вернувшийся домой, снял пиджак, развязал галстук и бросил его на ковер. Как обычно, он направился в комнату сына, чтобы уложить его спать — впервые за два-три месяца. Он обнаружил, что тот обнимает подушку и спит спиной к нему.

Цинь Хаотянь расстегнул первые несколько пуговиц рубашки, обнажив мускулистую грудь. Наклонившись вперед, он поцеловал сына в щеку, но мальчик спрятался.

Цинь Хаотянь, уставший после рабочего дня, был слегка удивлен. Может быть, его сын достиг своего бунтарского периода?

Глава 96. Часть 1

Цинь Хаотянь лежал на кровати сына, глядя на теплый желтый свет на стене. Свет был тусклым, освещая комнату и создавая впечатление тайного сада, отделенного от остального мира.

«Сяююй, с завтрашнего дня папа сможет оставаться дома, чтобы сопровождать тебя. Куда ты хочешь пойти на выходных? Папа попросит кого-нибудь все организовать. Куда ты хочешь

поехать во время летних каникул? Раньше ты говорил, что хочешь поехать в Англию... Папа поедет с тобой этим летом, ладно?»

Во время банкета с руководителями его компании его подчиненные бесчисленное количество раз поднимали за него тосты. Когда он пил, он ничего не чувствовал, но теперь, когда он лежал, алкоголь как будто добрался до головы.

«Я не хочу...» Его сын, который притворялся спящим, обнял подушку и отполз дальше.

«Что случилось?» отец повернулся и посмотрел на своего сына, который был одет в голубую пижаму с бутылочками молока на ней, и увидел, как он переполз на дальнюю сторону кровати.

Подумав, что его бунтарский период наступил рано, отец резко встал и увидел тело своего сына. Он оседлал мальчика, оторвав подушку от его рук и бросив ее на ковер.

Мальчик повернул голову и покраснел, игнорируя отца.

Эти двое застыли. Когда терпение отца было на исходе, его сын медленно открыл глаза и расстегнул своими маленькими ручками пижаму...

В тусклом свете Цинь Хаотянь оказался на своем сыне босиком и в костюмных брюках. Рукава и воротник его рубашки были расстегнуты, а на серьезном лице читалась легкая ярость.

Увидев зрелище под пижамой мальчика, кадык Цинь Хаотяня качнулся, и его волчье выражение лица исчезло без следа.

В тусклом свете он мог видеть белые и нежные груди мальчика. Кончики полных грудей мальчика были украшены двумя мясистыми бусинами. Ярко-красные соски казались подвижными и мягкими, а грудь мальчика дрожала от его дыхания.

Пара недавно появившихся белых и нежных сисек под милым и мягким лицом мальчика была освещена двусмысленным желтым светом, пробуждая в мужчине давно утраченное сексуальное желание.

Его орган внизу сразу же нагрелся, когда алкоголь ударил ему в голову.

Тело мужчины стало горячим, поэтому он расстегнул еще несколько пуговиц рубашки, обнажив большую часть своей мускулистой груди пшеничного цвета. Его мускулы были похожи на мускулы прекрасного коня, и в свете освещения он казался сексуальным и диким.

Мальчик сказал ему: «Я думаю, что я странный... у меня выросла пара сисек, которые есть только у девочек... Я больше не могу их прятать... Я монстр?»

Цинь Хаотянь посмотрел на опухшую грудь своего сына и сказал: «Нет, они очень милые, и ты тоже. Ты драгоценный папин ребенок...»

"Правда?"

Слова Цинь Хаотяня всегда оказывали на его сына особое успокаивающее действие.

«Конечно... Сяюй для меня самый важный... Для папы Сяюй самый милый в мире...»

Цинь Хаотянь протянул большие руки и коснулся мягких щек сына. Он никогда не лгал. Существование его сына было сродни редкому и единственному сокровищу в его сердце.

«Если они такие милые, почему бы тебе их не потрогать? Почему ты их не потерешь?»

Мальчик вспомнил тот момент, когда он увидел соседскую собаку. Поскольку он подумал, что она милая, он не мог не потереть его мохнатую голову. Если его отец считал мясные булочки на его груди милыми, почему он их не потер?

Мальчик невинно притянул руку отца к груди, даже провел ею по груди, чтобы отец мог их потереть.

«...»

Когда рука Цинь Хаотяня коснулась холмика, его глаза потемнели. Его кадык дернулся, когда он проглотил полный рот слюны.

«Папа, потри, они такие опухшие, что болят... Так болят, что я даже спать не мог вчера ночью...»

Его сын лежал на кровати, сжимая большие руки отца и желая, чтобы эти руки могли помассировать его опухшую и ноющую грудь. Когда он падал раньше, его отец этими большими руками массировал ушибленное колено, и после этого ему уже не было так больно.

Цинь Хаотянь под руководством своего сына потер его сиськи. Они были мягкими и упругими, полными эластичности. Грудь его все еще развивающегося сына была округлой и гладкой, как два больших белых кролика.

<http://bllate.org/book/14101/1240498>